

Обычай и закон
в письменных памятниках
Дагестана V — начала XX в.

Том II.
В царской и ранней
советской России

УДК 34(470.67)(094)
ББК 67.3(28-8Дар)ю11
О-30

Ответственный редактор и составитель В.О. Бобровников

Редколлегия: М.А. Агларов, Т.М. Айтберов,
В.О. Бобровников, М.С. Гаджиев, К.Р. Мусина, А.Р. Шихсаидов

Авторский коллектив: М.А. Агларов, Т.М. Айтберов, В.О. Бобровников,
М.А. Мусаев, А.Р. Наврузов, Г.М.-Р. Оразаев, М.Ю. Рошин, М.Д. Саидов

Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. II.
В царской и ранней советской России / [М.А. Агларов и др.];
сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. – М.: Изд. дом Марджани, 2009. –
272 с. : ил. – (Ислам в России и Евразии / Ин-т востоковедения, Дагестанский
науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии). – Авт. указаны
на обороте тит. л. – ISBN 978-5-903715-04-6. – ISBN 978-5-903715-16-9 (т. 2).
I. Агларов, М.А.
II. Бобровников, В.О., ред.

ISSN 2070-9269
ISBN 978-5-903715-16-9 (т. 2)
ISBN 978-5-903715-04-6

Книга завершает публикацию переводов классических памятников обычного права Дагестана. Она подготовлена коллективом востоковедов и этнографов из Махачкалы и Москвы. В издание вошли нормативные тексты и этнографические описания XVIII – первой трети XX в., рисующие новую и новейшую историю адата на Российском Кавказе под властью Российской империи и ранней советской России. Наряду с соглашениями и судебниками, составленными в традиционной для дагестанских мусульман форме, в эту эпоху началась запись неправовых – социальных и бытовых, – обычаев горцев и жителей равнины. Эти первые этнографические описания дагестанского адата во многом определили подходы к нему властей и ученых XX в. По структуре работа следует принципам подачи материала, выработанным в первом томе. Публикацию правовых и этнографических источников во второй части книги предваряет первый теоретический раздел, в котором собраны исследования по истории правового обычая в Дагестане XVIII–XX вв.

ISSN 2070-9269
ISBN 978-5-903715-16-9 (т. 2)
ISBN 978-5-903715-04-6

© Бобровников В.О., сост.
© Коллектив авторов
© Издательский дом Марджани
© Кагаров Э.М., серийное оформление

Оглавление

От редколлегии серии.....	4
От составителя.....	7
Местный обычай и российский закон (В.О. Бобровников).....	8
Часть I. Вопросы теории и практика применения.....	16
Глава 1. Правовой плюрализм дагестанского адата (В.О. Бобровников).....	16
Глава 2. Сельская община под реформами XIX – первой трети XX в. (М.А. Агларов).....	26
Глава 3. Суд по адату и шариату в Дагестане 1860–1927 гг. (В.О. Бобровников).....	40
Часть II. Обычное право в текстах и комментариях.....	70
Глава 4. Международные соглашения сельских общин (введение, переводы и комментарии Т.М. Айтберова, В.О. Бобровникова).....	70
Глава 5. Законы конфедераций XVII–XVIII вв.....	79
I. Келебские адаты (введение, переводы и комментарии [М.Д. Саидова] под ред. А.Р. Наврузова).....	79
II. Решения схода Джара в Агдаме, 1751–1752 гг. (введение, переводы и комментарии Т.М. Айтберова).....	102
Глава 6. Адаты ханств под российским протекторатом: Кодексы Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства (введение и комментарии Г.М.-Р. Оразаева).....	118
Глава 7. Адат: от применения к описанию. «Адаты кумыков» Маная Алибекова (введение и комментарии под ред. Г.М.-Р. Оразаева).....	201
Глава 8. Охрана природы и хозяйство джамаата: Соглашения и протокол из Хуштада (введение, переводы и комментарии В.О. Бобровникова, М.Ю. Рощина).....	230
Словарь основных понятий.....	248
Библиография.....	251
Карты.....	260

Часть I.

Вопросы теории и практика применения

В.О. Бобровников

Глава 1. Правовой плюрализм дагестанского адата

Ко времени российского завоевания правовая ситуация в Дагестане была крайне мозаичной и запутанной. Наряду с местными системами адата мусульмане региона руководствовались правовыми нормами шариата в разных правовых интерпретациях, а также элементами разных типов государственного права от законов шиитского Ирана до позднеосманских канунов. После присоединения к России они вынуждены были подчиняться также законодательству сначала Российской империи, а затем Советского Союза. Логику функционирования и развития дагестанского адата в этих условиях помогает понять концепция **правового плюрализма**. Под этим понятием (англ. *legal pluralism*) скрывается один из наиболее перспективных и в то же время спорных подходов в современной этнографии права. Его ввели западноевропейские ученые, пытавшиеся осмыслить наблюдаемое ими в бывших европейских колониях явление: у коренного населения, помимо государственного, всегда было и остается множество (*plurality*) местных негосударственных систем права.

Что такое правовой плюрализм?

Рождение правового плюрализма как теоретической концепции и методики исследования относят к 1971 г., когда в Брюсселе вышел одноименный сборник статей под редакцией бельгийского ученого профессора Жилисана. В книге были систематизированы материалы полевых этнологических и историко-правовых исследований на эту тему и впервые сформулировано понятие правового плюрализма (франц. *pluralisme juridique*) как «наличия в рамках одного конкретного общества нескольких правовых механизмов,

по-разному действующих в одинаковых ситуациях»¹. Благодаря проведению все новых и новых полевых наблюдений в регионах с колониальным прошлым и без одного понимания правового плюрализма постепенно усложнялось. Появилось более дюжины его различных толкований. В 1970–1990-е гг. многие авторы занимались разработкой теории и методологии правового плюрализма. Наиболее видное место среди таких теоретиков кроме упомянутого выше Ж. Вандерлиндена занимают редактор «Журнала правового плюрализма» Дж. Гриффитс, а также Кибит и Франц фон Бенда-Бекманн, Г.Р. Вудмэн, С. Мур, С.Э. Мерри, Л. Посписил. Чаще всего цитируется определение, которое в 1988 г. дала Салли Энгл Мерри. Исходя из подходов Гриффитса, Посписила и Мур, она называет правовой плюрализм «ситуацией, при которой две или более правовые системы сосуществуют в одном социальном поле»².

В основе этого определения лежит понятие «**полуавтономное социальное поле**» (*semi-autonomous social field*), разработанное Салли Мур и принятое большинством сторонников теории правового плюрализма. Под ним понимается общественная ячейка, или, точнее, некоторое социальное пространство, которое вырабатывает и соблюдает свои собственные поведенческие и правовые нормы. Обычно поле сопротивляется внешним правовым влияниям. По определению Мур, социальное поле «может создавать свои внутренние законы, обычаи и символы, но в то же время... подчиняется законам, решениям и иным факторам окружающего его внешнего мира. Полуавтономное социальное поле обладает способностью к правотворчеству и средствами для претворения в жизнь созданных им самим правовых норм; в то же время оно действует в более широком социальном пространстве, которое может влиять и проникать в него либо по желанию лиц, принадлежащих к социальному полю, либо по своей собственной инициативе»³.

Ни один из ведущих специалистов по этнографии права, склоняющихся к рассматриваемой концепции, не подвергал критике это толкование. Следует отметить также одно из толкований, предложенных в 1986 г. Гриффитсом: «...правовой плюрализм есть... положение вещей в любом социальном поле, при котором поведение соответствует более чем одному правопорядку». Гриффитс выделяет два вида правового плюрализма. По его модели, он может быть либо явным (по Гриффитсу – «сильным»), либо скрытым, когда одна система права, например – европейское позитивное право, подчиняет себе и подавляет все другие (по Гриффитсу – «слабые»)⁴.

Концепция «правового плюрализма» быстро завоевала себе сторонников как среди этнологов, так и среди ряда юристов и политиков. Появилась международная Комиссия по обычному праву и правовому плюрализму

¹ *Vanderlinden J. Le pluralisme juridique: essai de syntèse // Le pluralisme juridique / Ed. par J. Gilissen. Brussel, 1971. P. 19.*

² *Merry S.E. Legal Pluralism // Law and Society Review. 1988. Vol. 22. No 5. P. 870. Сп.: Pospisil L. The Anthropology of Law. A comparative Theory of Law. N.Y., 1971; Griffiths J. What is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986, No 24; Moore S.F. Social Facts and Fabrications: Customary Law in Kilimanjaro. 1880–1980. Cambridge, 1986.*

³ *Moore S.F. Law and Social Change in the Semi-autonomous Social Field as an Appropriate subject of Study // Law and Society Review. 1973, No 7. P. 720.*

⁴ *Griffiths J. What is Legal Pluralism? P. 1; Idem. Recent Anthropology of Law in the Netherlands and its Historical Background // Anthropology of Law in the Netherlands / Ed. by K. von Benda-Beckmann and F. Stribosch. Foris, 1986. P. 5.*

(Commission on Folk Law and Legal Pluralism), объединяющая в своих рядах теоретиков права, этнологов и практикующих юристов. В Нидерландах (Постбус, Ниймеген) издается Бюллетень (Newsletter), распространяющийся по всему миру. Со второй половины 1990-х гг. он стал распространяться также в России и других странах бывшего социалистического блока. В состав Комиссии вошли российские (в том числе и кавказские) этнологи, в частности один из авторов нашей книги — М.А. Агларов. Издается Бюллетень (Newsletter), распространяющийся по всему миру, в последние годы и в России, и в других бывших социалистических странах. Быстро растет число публикаций и периодических изданий, посвященных этой проблематике. Наиболее влиятельным из толстых научных журналов по юридической антропологии стал «Журнал правового плюрализма» (Journal of Legal Pluralism), созданный в 1981 г. на базе «Журнала африканских правовых исследований» (Journal of African Law Studies). Каждые два года проводятся международные конференции. XI международный конгресс «Обычное право и правовой плюрализм в меняющихся обществах» проходил в Москве в августе 1997 г. Участвовать в нем довелось и автору этих строк.

Правовой плюрализм давно стал господствующей концепцией в юридической антропологии. В чем же его привлекательность? Почему эта концепция была принята так стремительно, затмив все другие подходы? На мой взгляд, в значительной мере это объясняется разочарованием европейских ученых в приоритете ценностей современной западной цивилизации, растущим интересом к изучению бывших колониальных и социалистических обществ, ранее считавшихся «традиционными» и «отставшими» в своем развитии. В последней трети XX в. европоцентристские иллюзии западных ученых рассеялись. Деление обществ на «традиционные» и «современные», а права — на «закон» и «доправовой обычай» оказалось слишком искусственным и не соответствующим быстро меняющейся на наших глазах действительности. Общие настроения в науке в период возникновения концепции правового плюрализма удачно выразил известный этнолог Эдмунд Лич. «Полигические утопии, сложившиеся в умах мыслителей-реформаторов XVIII и XIX вв., — писал он, — оказались столь же лишеными реального содержания, как и религиозные утопии более ранних поколений. “Прогресс” стал почти грязным понятием. Наши огромные технические достижения не сделали нас ни счастливее, ни выше в моральном отношении. Напротив, материальное преуспевание обернулось для европейцев комплексом вины...»⁵

Немалую роль в развенчании европоцентристского позитивистского взгляда на общество и право сыграли полевые исследования, у истока которых еще в 10-е–20-е гг. XX в. стоял один из основателей современной западной социальной антропологии Б. Малиновский. Чрезвычайно сильное влияние на развитие юридической антропологии имела его небольшая книга «Преступление и обычай в обществе дикарей», впервые опубликованная в 1926 г. и выдержавшая около десяти переизданий⁶. На материалах Тробриандских островов в Меланезии он показал, как местному обществу без европейского права и государства удавалось поддержать правопорядок при помощи взаимных обязательств (*reciprocity*) и целого ряда иных юри-

⁵ Leach E.R. Custom, Law and Terrorist Violence. Edinburgh, 1977. P. 13.

⁶ Malinowski B. Crime and Custom in Savage society. London, 1926.

дически не формализованных норм. Причем нередко меланезийцам это удавалось лучше, чем современным европейцам.

Для выработки подхода к изучению адата в рамках правового плюрализма немалую роль сыграла работа А.Р. Редклиф-Брауна «Общественные и частные деликты в первобытном праве», впервые изданная в 1933 г.⁷ Как и Малиновский, Редклиф-Браун пытался найти ответы на вопрос, до сих пор волнующий исследователей: каким образом управляются общества без государства и формальных юридических институтов — судей, судов, полиции, адвокатов, писаных законодательств, конституции? Как узнать, какие правовые нормы действуют там? А если эти нормы известны, то почему им подчиняются, конечно, если им действительно следуют? Но в отличие от Малиновского упор в этой и других работах Редклиф-Брауна был сделан не на управляемых, а на управляющих — правовую и социальную элиту общества. Немалый вклад в разработку проблематики обычного права, впоследствии ставшей главным объектом изучения сторонников правового плюрализма, сделали М. Глакмэн, Т.О. Элиас и другие исследователи Черной Африки⁸.

При несомненных достоинствах этих классических исследований по этнографии обычного права нельзя не отметить присущего всем им серьезного недостатка. Пытаясь воссоздать первоначальные, беспримесные формы местных обычаев, их авторы сознательно абстрагировались от современных им колониальных государств. Ту же ошибку на Кавказе допускал знаменитый русский исследователь дагестанского адата М.М. Ковалевский. Люди, описанные в книге Малиновского или Ковалевского, как будто не знают о существовании европейцев, между тем дело происходит в начале или даже середине XX в. Тем самым местное общество и право вырываются из конкретных исторических условий своего существования.

Дальнейшие исследования обычного права в колониальном контексте подвели западных ученых к кредо правового плюрализма: государство не имеет монополии на право. Существуют как государственные, так и негосударственные системы права и общества. Более того, они могут сосуществовать в одном и том же социальном пространстве или полуавтономном социальном поле. Культурные и социальные границы между ними отнюдь не столь отчетливы, как думали ученые-позитивисты XIX — первой половины XX в. Правовая культура и самосознание должны быть признаны не только у юристов и образованных классов общества, но и у его «низов»⁹. Обычное право имеет свои, местные принципы, которые не следует описывать при помощи устоявшихся европейских юридических понятий, восходящих еще к римскому праву¹⁰.

Концепция правового плюрализма оказалась весьма плодотворной. На ее основе была разработана методика изучения различных форм права и общества, апробированная не только в странах Третьего мира, но и в индустриально развитых регионах, как в обществах без своей государственности и письменного права, так и в обществах, имеющих многовеко-

⁷ Radcliff-Brown A.R. Public and Private Delicts in Primitive Law // Encyclopedia of Social Sciences. 1933.

⁸ Gluckman M. Politics, Law and Ritual in Tribal Society. Oxford, 1965; Elias T.O. The Nature of African Customary Law. Manchester, 1956.

⁹ См., например: Burbank J. A Question of Dignity: Peasant Legal Culture in Late Imperial Russia // Continuity and Change. 1995. Vol. 10. No. 3. P. 391.

¹⁰ Leach E.R. Custom, Law and Terrorist Violence. P. 23–25.

вые традиции государственного строительства и законодательства, например в мусульманских странах¹¹.

Особенности правовой культуры кавказских горцев

Я так подробно остановился на интеллектуальной одиссее концепции правового плюрализма в современной этнографии права для того, чтобы показать, насколько она может быть полезной для исследований в Дагестане и в целом на российском Кавказе. Применение этой концепции к кавказским материалам кажется мне вполне оправданным. Она помогает лучше понять особенности развития соционормативной культуры горцев, сначала входивших в местные негосударственные правовые пространства, а затем оказавшихся в составе Российской империи и СССР.

Действительно, уже первые дошедшие до нас достоверные источники говорят о множественности систем права, бытовавших на Кавказе в V–XVIII вв. Политической раздробленности и этноконфессиональной пестроте края соответствовало многообразие форм обычного права. В социальных полях клана, сельской общины, союза общин, местных ханств адат сочетался с местными интерпретациями правовых норм шариата в его *шафийтской* и *ханафитской* редакциях у мусульман или с церковно-каноническим правом — у православных христиан и не до конца исламизированных народов¹². До присоединения к России такие социальные поля либо были абсолютно независимы и не подчинялись государству, либо находились в разной степени зависимости от него. При всем многообразии правовых форм и социальных полей жители Северного Кавказа придерживались более или менее одинаковых принципов права. Эта особенность их общественно-правового устройства была открыта еще в конце XIX в. Ковалевским и позднее подтверждена исследователями советского времени¹³.

С первой трети XIX до конца XX в. на Кавказе почти не прекращались социальные и правовые реформы. Мусульманам региона пришлось пережить шариатское законодательство и суды Шамиля, так называемое военно-народное (или военно-адатное управление) в составе Российской империи, шариатские суды и трибуналы времен Гражданской войны и раннего советского времени¹⁴, новое районирование и коллективизацию, затем политику «опоры на полезные адаты» времен застоя и, наконец, крушение советской судебно-административной системы и «возрождение адатных и исламских традиций». Преобразования, произошедшие в регионе за последние полтора-два столетия, шли либо в направлении укрепления правового плюрализма (во второй половине XIX и начале XX в.; в постсоветскую эпоху), либо в сторону формирования скрытого или, по терминологии

¹¹ Comaroff J. Body of Power. Spirit of Resistance. Chicago, 1985; Macaulay S. Private Government // Law and the Social Sciences / Ed. by L. Lipson and S. Wheeler. N.Y., 1986; Messick B. The Mufti, the Text and the World: Legal Interpretation in Yemen // Man. 1986, vol. 21, No 102; Legal Pluralism in the Arab World / Ed. by B. Dupret, M. Berger, L. al-Zwaini. Cairo, 1999.

¹² Конкретные примеры такого симбиоза читатель может проследить на примере материалов, собранных в томе I настоящего издания.

¹³ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С. IX; Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане XVII — начала XIX в. М., 1988. С. 166.

¹⁴ О судебных институтах военно-народного управления и ранних советских шариатских судах рассказывается в гл. 3 настоящего тома.

Гриффитса, «слабого» полиюридизма (при Шамиле; в ходе советских реформ). Однако при всех общественных изменениях и колебаниях в государственной политике характерной особенностью региона оставалась нормативный плюрализм, заключающийся в двуединстве государственного права, с одной стороны, и смешанного адатно-шариатного законодательства — с другой.

Правовой плюрализм в исторической этнографии региона

Все достоинства полиюридического подхода к местной действительности еще не исчерпаны. Методика правового плюрализма в основном применялась к исследованиям по конфликтологии. Кроме того, «железный занавес» долго лишал отечественных ученых возможности диалога с зарубежными коллегами. Развитие российской этнографии права, которая в конце XIX — первой трети XX в. достигла успехов, сопоставимых с достижениями более поздней западной этнографии права, было насильственно прервано в годы сталинских репрессий. По верному замечанию современного российского этнолога А.А. Никишенкова, изучение негосударственных норм регулирования общественных отношений «как бы ушло из юридической плоскости и осуществлялось в рамках анализа “пережитков” древних форм родовой и общинной организации, семейно-брачных отношений. Традиционные отношения собственности рассматривались почти исключительно через призму формационных политэкономических макромоделей»¹⁵.

С 50-х и вплоть до начала 90-х гг. XX в. соционормативной культурой в России и на Кавказе занимались единицы. Немалый вклад в ее изучение на кавказских материалах внес известный советский этнограф М.О. Косвен. Кавказ привлекал его главным образом своей архаикой. В общественном быту и фольклоре кавказских горцев он видел немало «пережитков» первобытности, в частности дуальной социальной организации, мужских союзов, допроектных юридических обычаев¹⁶. Изучение первобытного общества на северокавказских материалах продолжили ученики Косвена. В 1970-е гг. в науке сформировалось целое направление, получившее название **потестарно-политической этнографии**. Его предметом исследования стали отношения и системы права и власти в первобытных и древних обществах. Сам термин (от лат. *potestas* — «власть») был предложен известным советским этнографом Ю.В. Бромлеем¹⁷. Проблематику потестарно-политической этнографии во многом определили работы Л.Е. Куббеля¹⁸. В рамках этой дисциплины в 1970–1980-е гг. работали не только этнографы, но и юристы, в частности А.Б. Венгеров.

¹⁵ Никишенков А.А. Обычное право и проблемы его библиографии // Обычное право народов России: Библиографический указатель / Сост. А.А. Никишенков. Под ред. Ю.И. Семенова. М., 1998. С. 4.

¹⁶ Косвен М.О. Преступление и наказание в первобытном обществе. М., 1925; *Он же*. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

¹⁷ Бромлей Ю.В. Опыт типологизации этнических обществ // Советская этнография. 1972. № 5. С. 63; *Он же*. Этнос и этнография. М., 1973. С. 15.

¹⁸ Куббель Л.Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 241–277.

Начиная с периода «перестройки» положение в отечественной этнологии резко изменилось. Прежние идеологические барьеры пали. Со второй половины 1880-х — начала 1990-х гг. началось усиление интереса к обычному и отчасти к мусульманскому праву. В последнее время понятие «правовой плюрализм» и его синонимы часто появляются в работах зарубежных и отечественных этнологов и юристов по России вообще. Тематика правового плюрализма стала настолько популярной, что в вузах Москвы и столиц кавказских республик было защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций по обычному праву на Кавказе. В Грузии в 1990-е гг. появилась Лаборатория по изучению грузинского обычного права при научно-координационном центре «Социально-культурные традиции» Академии наук Грузии. Примерно тогда же на юридическом факультете Дагестанского государственного университета в Махачкале был создан Центр правовых исследований.

В то же время изучение правового плюрализма на Кавказе столкнулось с рядом проблем. Методология и даже язык российской и западной этнологии различны. Сегодня современных отечественных и западных ученых интересуют разные научные проблемы. Вследствие почти 70-летней замкнутости большinstву ученых из стран бывшего социалистического блока стало почти невозможно понять своих зарубежных коллег. В постсоветской этнологии нередко случается, что заимствованные из западной науки понятия бездумно вставляются в старые позитивистские схемы. Постмодернистские идеи парадоксальным образом начинают служить не критике, а оправданию эволюционистского взгляда на право и общество. Отечественные этнологи продолжают разделять немало анахроничных сегодня клише, от которых их западные коллеги освободились уже к середине нашего столетия. В первую очередь это касается представления о «традиционализме» соционормативной культуры народов Кавказа и Дагестана.

Обычное право трактуется большинством отечественных исследователей как несвоевременное «традиционное право», «позднепервобытные патриархальные адаты»¹⁹. Причем для доказательства этого положения приводятся материалы XIX в., проецируемые на современность. У некоторых авторов вырываются непереваренные марксистские понятия, вроде «предклассового» и «раннеклассового общества». Вообще анализ правовых норм и институтов часто бывает вырван из конкретно-исторического контекста. В духе этой архаизирующей тенденции появившиеся в 1990-е гг. попытки реанимировать институты горцев вроде медиаторских или шариатских судов характеризуются как «возрождение местных традиций»²⁰. Между тем полевые материалы убеждают как раз в обратном: благодаря массовым переселениям и последующим реформам второй половины XIX и особенно XX в. обычное право и другие элементы плюралистичной правовой ситуации в регионе необратимо изменились²¹. «Исламское и адатное возрожде-

¹⁹ Кондрашева А.С. К проблеме соотношения общеправовых норм и официального законодательства на примере правового развития Кавказа (вторая половина XIX в.) // Обычное право и правовой плюрализм. Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г., Москва, М., 1999, С. 207; Смирнова Я.С., Тайсаева С.К. Полиюризм на Северном Кавказе (вторая половина XIX — XX вв.) // Там же. С. 211.

²⁰ См., например: Гостиева Л.К. Использование миротворческих традиций осетин в современных условиях // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления. Тезисы докладов международной конференции, Москва, 19–20 января 1995, М., 1995, С. 28–29.

²¹ Подробнее об этом см. Бобровников В.О. Колхозная метаморфоза адата у дагестанских горцев (на примере багулал) // *Notio juridicus*: материалы конференции по юридической антропологии / Под ред. Н.И. Новиковой. А.Г. Осипова, М., 1997. С. 193–199.

ние» конца XX в. на самом деле означало формирование в регионе новых постсоветских «традиций».

Кроме того, современные отечественные этнологи склонны абсолютизировать границы между правовыми нормами и институтами, сосуществующими в рамках одного социального поля. Происходит то, что Гриффитс называл «внутренним» адвокатским подходом в условиях «слабого» правового плюрализма²². На практике такой подход оборачивается преувеличением роли одной из составляющих полиюридизма. Так, сначала в ученых кругах, а затем и среди самих кавказских горцев утвердилась превратное представление о том, что время до Шамиля было «эпохой адата», а его реформы — «эпохой шариата». По современным этнографическим описаниям судебных институтов выходит, что после российских реформ 1860-х гг. и в раннее советское время отдельно существовали три разных типа судов — адатные (словесные и горские), медиаторские и шариатские²³. На самом деле анализ записей адатов и делопроизводства сельских судов показывает, что с XVIII в. в регионе происходила рецепция норм шариата в местные адаты, постепенное взаимопереплетение принципов адата и шариата и исламизация обычного права. Одни и те же люди составляли сельский суд, который разбирал семейно-брачные дела по адату, а уголовные и отчасти поземельные — по шариату. Они же примиряли тяжущиеся кланы и селения. Право и суд на Северном Кавказе полностью не дифференцировались.

Еще одной характерной особенностью постсоветской юридической антропологии на Северном Кавказе является романтически-прикладной подход к явлениям правового плюрализма. Следуя принципу Маркса, согласно которому общественные науки должны не просто постигать, но и преобразовывать общество, многие современные этнологи пытаются применить свои знания в научно-практических проектах, имеющих своей целью реставрировать «традиционные правовые институты горцев», чтобы укрепить пошатнувшийся правопорядок в регионе. По точному замечанию А.А. Никишенкова, «сложились особые публицистические жанры «воспевания» традиционной культуры народов, в которых особое место отводится обычному праву... Не случайно... что в этой публицистической деятельности активное участие принимают этнологи — представители национальной интеллигенции»²⁴. Вслед за ними идею развития местных обычаев подхватили и республиканские власти. Однако при этом они обычно не учитывают смены социальных функций местных правовых норм в ходе реформ XIX–XX вв. Ведь такие институты, как кровная месть и ишкиль, из правоохранительных превратились в противоправные. Поэтому поддержка некоторых «горских традиций» на практике может лишь обострить криминогенную обстановку, пример чего можно видеть в постсоветской Чечне и Ингушетии 90-х гг. XX в., где власти попытались возродить шариатские суды.

Пример постсоветского кавказоведения прекрасно показывает, что концепцию «правового плюрализма», как и любую другую теорию, нельзя перенимать бездумно. Она также способна привести исследователя к ложным умозаключениям. Методологические недостатки этой теории были отмечены

²² Griffiths J. What is Legal Pluralism? P. 43–44.

²³ См., например: *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М., 1999. С. 79, 163–165.

²⁴ *Никишенков А.А.* Обычное право и проблемы его библиографии. С. 3.

ны в 1980–1990-е гг. и у западных ученых. Причем отмечать их стали сами создатели концепции правового плюрализма. Критика коснулась в первую очередь понимания «права» сторонниками этой концепции. В 1993 г. Б. Таманаха опубликовал статью под проволирующим на дискуссию названием: «Безумие социологического представления о правовом плюрализме». Он обратил внимание на то, что сторонники концепции описывают внесударственные правовые явления исходя из принципов государственного позитивного права²⁵.

Больше всего споров и возражений у антропологов и юристов вызывают такие понятия, как обычное, или традиционное, право. Эти термины у западных исследователей (хотя и не в такой степени, как у их российских коллег) устойчиво ассоциируются с представлением о неизменности прошлого. Между тем из опыта конкретных полевых исследований и изучения истории права хорошо известно, что в мире не существует неизменных правовых систем. Учитывая изменения, произошедшие в обычном праве в ходе его переосмысления и кодификации колониальными властями, ряд антропологов предложил выделить два разных исторических термина: обычное колониальное право (*customary law*) и доколониальное аборигенное право (*indigenous law*)²⁶. Американские этнологи Старр и Коллиер критикуют концепцию «правового плюрализма» за то, что она рассматривает взаимоотношения в праве и обществе чрезмерно упрощенно и статично, не учитывая фактора внешних и внутренних влияний²⁷. Среди многих сторонников этой теории все еще распространено ошибочное представление о том, что политико-правовые системы обладают равными возможностями и уравновешивают друг друга. В действительности же одни системы права подчиняют своему влиянию другие. Порой под влиянием господствующей системы другие неузнаваемо меняются. Частным примером такой трансформации может служить история обычного права, кодифицированного при русском дореволюционном управлении.

В 90-е гг. XX в. был предпринят целый ряд попыток усовершенствовать методологию правового плюрализма. На мой взгляд, среди них заслуживают внимания подход, предложенный исследователями мусульманского права и общества стран Ближнего Востока, такими, как Б. Дюпре, Н. Бернар-Можирон, Л. аз-Звайни, и некоторыми другими. Их взгляды были изложены на заседаниях «круглого стола» по вопросам правового плюрализма в арабском мире, проведенного в Каире в декабре 1996 г. Результатом обсуждения стала книга, выпущенная в феврале 1999 г. В теоретическом плане следует отметить попытку Б. Дюпре заменить понятие *правовой плюрализм* на *нормативная плюральность (normative plurality)*. Последняя понимается им как результат взаимодействия разных полуавтономных социальных полей. Еще более важным, как мне кажется, является предложение этих этнологов делать акцент не на государстве и законодателях, а на локальных социальных полях и лицах, создающих и применяющих правовые нормы, — судьях, свидетелях, подсудимых (*social actors*)²⁸.

²⁵ *Tamanaha B.Z. The Folly of the Social Scientific Concept of Legal Pluralism // Journal of Law and Society. 1993. No. 2. P. 192.*

²⁶ *Бенда-Бекман К., фон. Правовой плюрализм // Человек и право / Под ред. Н.И. Новиковой, В.А. Тишкова. М., 1999. С. 9. См. также: Moore S.F. Social Facts and Fabrications; History and law in the Study of Law: new directions in legal anthropology / Ed. by Starr J., Collier J. London, Ithaca, 1989.*

²⁷ Там же.

²⁸ *Legal Pluralism in the Arab World / Ed. by B. Dupret, M. Berger, L. al-Zwaini. Cairo, 1999.*

Сторонники концепции правового плюрализма на Северном Кавказе еще слишком мало внимания уделяют изучению повседневной юридической практики местных мусульман — адатному и шариатскому судопроизводству, использованию норм адата и шариата в государственных судах, языкам функционирования обычного права. Пора перенести и ракурс изучения практики правового плюрализма с макроуровня на микроуровень, с государства и прикладной конфликтологии на местные социальные пространства и живых людей, которые создают и видоизменяют местные правовые нормы. Используя хорошо известное определение М. Фуко, этнологам следует больше внимания обращать на **микрофизику** правового плюрализма на Северном Кавказе. Эти соображения предопределили способ изложения материалов во 2-й и 3-й главах этого тома при разборе деятельности сельских общин и судов горцев-мусульман в Российской империи и СССР.

М.А. Агларов

Глава 2. Сельская община под реформами XIX — первой трети XX в.

Самодостаточное гражданское общество в принципе не может быть управляемо извне. Вместе с тем в истории есть немало примеров того, как государство или иная политическая макросистема, подчинив себе небольшие самоуправляющиеся общины, не вмешивается в хозяйственные вопросы их жизнедеятельности, ограничившись контролем основных институтов и рычагов власти на местах. При этом гражданские общины деградируют в зависимые крестьянские, городские общины — в муниципальные единицы, управляемые назначенными сверху градоначальниками и чиновниками. В Дагестане это случилось в имамате Шамиля и позднее — при революционном российском режиме.

Власть, право и общество в имамате Шамиля

К началу второй трети XIX в. большая часть горных областей Дагестана и Чечня вошли в государство Шамиля. Исторический опыт централизации власти, проведенной в регионе Шамилем, интересен как пример интеграции права и общества дагестанских мусульман в общерегиональном масштабе. Создавая единую сквозную вертикаль государственной власти, имам не посягал ни на территориальные владения общин, ни на распределение доходов и частную собственность на землю внутри общин-*джамаатов*. Законы имамата гарантировали территориальную целостность общин и защищали права частных и общинных собственников¹. Вместе с тем в ходе затяжной Кавказской войны жесткая «вертикаль власти» постепенно все более укреплялась, что вызывало усиление авторитаризма и забвение многих демократических традиций самоуправления в джамаатах. В немалой степени такое изменение системы общественного устройства было продиктовано экстраординарными условиями военного времени.

Военно-политическое устройство имамата было таково, что все нити власти сходились к Шамилю как верховному правителю земель, находившихся под властью законов ислама (*дар ал-ислам*). Это было отражено в титулатуре имама. Шамиль считался главой государства. В официальной пере-

¹ См., например: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах XIX в.: Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев и Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959. С. 494–495, 499–501, 531–532, 560, 601–602, 619–620; *Шарафутдинова Р.Ш.* Еще один «низам» Шамиля // Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1975. М., 18982. С. 169; 100 писем Шамиля / Сост., пер. и комм. Х.А. Омарова. Махачкала, 1997. С. 94, 158.

Рис. 4. Шамиль

писке он постоянно именовал себя *халифом* или «повелителем правоверных» (араб. *амир ал-муминин*)². Таким образом, помимо того, что в его руках была высшая исполнительная власть, он был еще главнокомандующим ополчениями горских общин и их союзов. Шамиль также считался верховным судьей по шариату и адату. В управлении страной Шамилю помогал Совет-диван, обладавший высшей законодательной властью на землях имамата. О существовании этого органа известно с 1842 г. В диван входило по одному представителю от каждого из наибств (араб. *вилаят*) — основных территориальных единиц шамилевского государства, образованных в границах бывших союзов сельских общин.

Территориальный строй общины-джамаата был сохранен, но власть над ней была передана назначавшимся самим Шамилем или его диваном *наибам*. Приведу оперативные данные, полученные русским военным командованием от бывших в плену у горцев солдат и лазутчиков в самый разгар войны (1843 г.): «Общества состоят из нескольких или нескольких десятков деревень, сохраняя свои прежние пределы и гражданское управление, главою которого, а равно исполнителем и блюстителем уставов Корана,

² 100 писем Шамиля. Passim.

считается Шамиль. Обществами управляют наибы, назначенные Шамилем, их власть совершенно исполнительная»³. Примечательно, что лазутчики называют управление, существовавшее у горцев до учреждения имамата, **гражданским**.

Рис. 5. Наиб Черкесии Мухаммед-Амин

Число наибств колебалось от нескольких десятков до 52 в пору наибольшего расцвета имамата. Наидам подчинялись старшины (*тател*) и шариатские судьи (*кадии* или *дибиры*) отдельных сельских общин. В конце 1840-х гг. в иерархию исполнительной власти была введена еще одна должность — *мудиров*, стоявших между имамом и его наибами. Было учреждено 7 *мудирий*. Однако, похоже, должность эта вызывала у имама опасения ввиду огромности сосредоточенной в одних руках власти и потому была отменена в 1852 г. Из особо авторитетных лиц при имаме был создан своего рода Государственный Совет, обладавший совещательными функциями при обсуждении важнейших вопросов внешней и внутренней политики. Шамиль сохранил установленную еще при его предшественниках имамах Гази-Мухаммеде и Гамзат-беке традицию созыва съездов дагестанских улемов и представителей наибств. Съезды решали вопросы войны и мира,

³ Показания бывшего в плену у горцев рядового И. Загорского об организации управления имаментом // Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством Имама Шамиля: Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов, Ю.У. Дадев. М., 2005. С. 291.

определяли стратегию государственного строя и политики, выбирали и смещали имамов государства. За время правления Шамиля было создано 6 таких съездов: в 1845 г. — в Алмахе, в 1846 г. — в Дарго, в 1847 г. — в Анди, в 1851 г. — в Ругудже и в Шали, в 1858 г. — в Хунзахе⁴.

По этой схеме в имамате не было места гражданскому самоуправлению. Публичная власть джамаатов была уничтожена и заменена административной. Судебная власть отделена от исполнительной. На местах судопроизводство сосредоточено в руках кадиев, ведавших также всеми религиозными делами джамаата как имамы пятничных мечетей. Суды кадиев были учреждены в каждом селении взамен старинной выборной судебной власти (джамаатных «правителей» и «судей» адатных документов и кодексов — араб. *укала*). За деятельностью сельских кадиев надзирали *муфтии* наибов, заменивших собой кадиев бывших союзов общин. Единственными, кто остался от сельского самоуправления, были старшины (*руаса*). Уже после разгрома имамата и своего пленения Шамиль говорил Руновскому в Калуге, что сельских старшин назначал кадий. Однако, судя по целому ряду писем и воспоминаний того времени, общество выдвигало кандидатов на пост старшины, согласуя свой выбор с назначенным к ним кадием⁵. Таким образом, вся власть оказывалась сосредоточенной в руках администрации и улемов имамата. Адатные кодексы, узаконивавшие традиционное самоуправление джамаатов и их федераций, в этих условиях потеряли свою юридическую силу. Местный адат в значительной степени был потеснен универсальным исламским законом — шариатом, признанным в имамате главной, если не единственной, правомочной системой права⁶.

Вместе с тем джамаат продолжал функционировать, но уже не как самостоятельная гражданская община, а как хозяйственное объединение подданных имамата. Шамиль хорошо понимал неэффективность крайней шариатизации государственного устройства, при которой игнорировались традиционная политическая культура горцев и сложные взаимоотношения внутри и между джамаатами. Он ввел светские нормы права в виде собственных указов и решений дивана. Традиционное деление внутри сельских общин на кварталы и роды (*тухумы*) оставалось в силе, но приобрело более военизированный вид. Кварталы и тухумы поставляли в ополчение имамата соответственно «сотни» и «десятки» под командованием родовых старшин. Уничтожены были только зависимые отношения между сословиями и общинами. Все были уравнены в правах и бывшие «граждане» союзов общин, ханств и других политических объединений горцев-мусульман стали гражданами, вернее даже будет сказать — подданными единого государства. Имущественные отношения внутри имамата также претерпели определенные изменения. Кроме известных в Дагестане с раннего Средневековья частных (*мульк*), мечетно-благотворительных (*вакф*) и общинных (*мават*, *харим*) владений при имамах появилось казенное землевладение (араб. *байт-уль-маль*). В эту категорию были включены конфискованные частные земли феодалов, дарения и отдельные нейтраль-

⁴ Подробнее об устройстве и функционировании государства Шамиля см. в кн.: Гемер М. Шамиль — правитель государства и его дипломатия: Статьи. Махачкала, 1997.

⁵ Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время его пребывания в гор. Калуге с 1859 по 1862 год // Акты кавказской археографической комиссии. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1904. Ср.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах XIX в. С. 578, 623.

⁶ Руновский А. Кодекс Шамиля // Военный сборник. Т. XXII. Вып. 2. М., 1862.

ные «международные» территории, например пастбищные угодья *Арахъмеглер* на севере Нагорного Дагестана.

В результате в экономическом отношении община существенно усилилась. В условиях почти сорокалетней блокады, которая разорвала традиционные разделение труда и хозяйственные связи между горами и равниной, горское общество имамата могло выжить только при условии дальнейшего усиления и совершенствования общинных режимов организации хозяйства и природопользования в рамках единого принудительного севооборота. Более интенсивный и эффективный вид приобрело террасное горное земледелие, многие сады распахивались под производство остро не хватавшего горцам зерна, развивалось отгонно-стойловое скотоводство. Под земледелие осваивались части бывших пастбищ, на которых создавались новые общины. Примеры тому, судя по собранному мною полевым материалам, можно найти на сезонных хуторах (*коло*) с. Чох, ныне известных как «Коммуна», где бывшие пастбищные земли были превращены в пашни. Равным образом на окраинах Согратлинского джамаата возникали земледельческо-скотоводческие хутора⁷.

Косвенное и военно-народное управление

За пределами имамата мусульмане Дагестана сохранили прежнее устройство общества под русским протекторатом. Формы политической власти по-прежнему отличались пестротой, сочетая разные типы общинного устройства и наследного правления местной горской знати. В Среднем Дагестане при поддержке царских властей укрепилась ханская власть. В то же время входившие в Казикумухское ханство традиционно сильные джамааты Кумуха и Унчукатля, с успехом отстаивавшие свою свободу от горской военной знати еще в XVII в., сохранили черты полунезависимых гражданских общин. Иначе обстояло дело в Акушинском союзе общин. Русская военная администрация обласкала их наследственного кадия, но ничего не изменила в республиканском самоуправлении конфедерации. В письме к Акушинскому кадию Зухум-кади главноуправляющий в Грузии и на Кавказе генерал А.П. Ермолов строго предписывал «Вы обязаны впредь исполнять следующее: сохранять прежние обычаи без всякой перемены»⁸. Русские военные эксперты настойчиво рекомендовали не вводить войска на земли даргинских общин, чтобы сохранить их нейтралитет в войне против имамата.

Иначе обстояло дело с федерациями джамаатов горцев Южного Дагестана, стратегическое положение которого и лояльность населения позволили русским установить там своеобразный режим косвенного управления с опорой на местные властные институты и обычное право. Положение 23 июля 1839 г. предусматривало объединение всех бывших политических объединений края в Самурский округ под контролем русских военных властей. Согласно этому документу, Самурский округ был создан из Ахтыпаринского, Докузпаринского и Алтыпаринского *магалов* в границах прежде независимых союзов общин. За магалами надзирали наибы, в каждом мага-

⁷ Полевые материалы автора. Селения Чох и Согратль (центр поддержавшего Шамиля союза общин Андалал) находятся на территории современного Гунибского района Дагестана.

⁸ Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (Тбилиси). Ф. 2. Оп. 1. Д. 848. Л. 7.

Рис. 6. Генерал А.П. Ермолов. Портрет П.З. Захарова, 1843

ле имелся свой кадий. В помощь начальнику округа назначались главный духовный кадий и диванные члены, по одному от каждого магала. Административная автономия джамаатов была несколько урезана, а права местной мусульманской знати (*беков*) расширены. Кроме традиционных сельских судов по адату и шариату учреждался адатно-шариатный окружной суд, в который вошло по одному кадию и судье от каждого из магалов округа.

Все выборные должности (за исключением глашатаев-*чаушей*) подлежали обязательному утверждению российскими властями⁹.

Опыт косвенного управления с участием местной сельской верхушки под контролем русских военных, опробованный в Самурском округе на протяжении почти 20 лет, лег в основу так называемого режима военно-народного управления, распространившегося с окончанием Кавказской войны на Восточном Кавказе в 1860 г. на весь Дагестан. Само это понятие указывает на сущность организации общества, власти и права при такой системе управления. Ключевые позиции в области исполнительной и судебной власти передавались в руки офицеров Кавказской армии в намествах и округах создававшейся тогда же Дагестанской области. Центр военно-народного управления находился в столице Кавказского края — Тифлисе. Под «народным управлением» подразумевалось возрождение самоуправления сельских общин по адату, правда с известными ограничениями (без права ведения независимой внешней политики, с обязательством политической лояльности, уплаты государственных податей и выполнения трудовых повинностей для нужд армии).

Пореформенное дагестанское общество во многом основывалось на принципах организации власти и права, которые были впервые опробованы в имамате Шамиля, а в последней трети XIX в. были реализованы уже в рамках всего Дагестана¹⁰. Формирование единого мусульманского общества региона с унифицированной системой права и власти было продолжено в границах единой Дагестанской области. Административно она делилась на 9 округов, состоявших из 42 наместств, которые, в свою очередь, состояли из джамаатов, или «сельских обществ». Новая иерархия административно-судебных единиц неплохо отражала единство и многообразие обычного права и этнокультурного деления края. В основе ее лежал джамаат, возрождение гражданского самоуправления которого оказало немалое влияние на весь последующий путь эволюции дагестанского адата.

Военно-народное управление носило временный характер. По мысли российской администрации, оно должно было постепенно подготовить горцев к принятию российского гражданства, а с ним и законов империи. Высокопоставленный чиновник Кавказского наместничества, одно время возглавлявший военно-народное управление, генерал А.В. Комаров, писал в 1868 г., что решено было дать народу «такой суд, который, будучи совершенно с его понятиями и обычаями, давал бы возможность постепенно, без неудобств для народа, перейти со временем к решению всех дел на основании общих законов Империи и тем самым прочно и навсегда утвердить гражданское управление»¹¹. С преобразованиями Кавказского наместничества (особенно в период его упразднения в 1881–1905 гг.) неоднократно менялась и структура военно-народного управления, но, несмотря на многочисленные нарекания на него со стороны центральных властей империи, этот режим просуществовал в Дагестане до крушения старого строя весной 1917 г.¹².

⁹ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 179.

¹⁰ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М., 2002. С. 141.

¹¹ Комаров А.В. Адагы и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах (далее: ССКГ). Вып. 1. Тифлис, 1869. С. 11.

¹² Судебно-административная организация, цели и последствия военно-народного управления подробно описаны В.О. Бобровниковым в главе 3 настоящей работы.

Рис. 7. Генерал А.В. Комаров

Специальное «Положение» частично восстановило и усовершенствовало несвойственные крестьянским общинам высокие формы самоуправления в виде «сельского общества». Это был промежуточный социальный организм между «гражданской общиной» джамаата дороссийского периода и будущей колхозно-крестьянской общиной. В то же время над возрожденными органами публичной власти сельского общества (суды, старшины и т.д.) довлела «вертикаль» царских властей с верховными правами одобрения или отмены решений местных органов (окружная и областная администрация).

Система власти на местах существенно изменилась. Главным лицом в пореформенной сельской администрации стал старшина (*юзбаши*). По словам очевидца, «эта должность введена недавно и не успела пустить еще корни в народ. Обыкновенно, юзбаши только присутствуют в суде, сохраняя молчание и предоставляя полную волю кадию и судьям, так что дела и их исполнение находятся, собственно, в руках кадия и четырех судей. Все они выбираются жителями на один год, и только в последнее время начальство начало утверждать их в этих должностях. Кадий решает дела по шариату, а судьи по адату»¹³. По первоначальной версии закона о сельских обществах

¹³ Амиров Г.-М. Среди горцев Дагестана // ССКГ. Вып. 7. Тифлис, 1874. С. 37.

1868 г., юзбаши избирался на сельском сходе, а после подавления восстания 1877 г. прямо назначался начальником округа. Голосование проводилось поднятием руки или же весь сход делился на части — по числу кандидатур. На чьей стороне оказывалось больше людей, тот и побеждал. У ахсакалов, которые еще совсем недавно играли столь важную роль в общинном самоуправлении, сохранились лишь судебные функции. В помощь старшинам общество назначало десятников — на каждые 5 дворов по одному, — и глашатай-чауша.

Изменилась также судебная организация общества. Ее низшим, но важнейшим звеном оставался сельский суд (*махкама*, *диван* или *джамаат*) состоявший из кадия и судей-*диванбегов*, по-прежнему выбиравшихся на сельском сходе. Эту должность получали люди, заслужившие авторитет и доверие народа своей справедливостью, знаниями адата и шариата, а также выходцы из знатных родов-тухумов. Должность диванбега нередко становилась своего рода «трамплином» для назначения на пост старшины. Имеется одно яркое этнографическое описание пореформенного суда со слов очевидца: «Когда я пришел в “диван-хана”, джамаат был в полном сборе. Место заседания его — простая большая комната, довольно мрачная, с земляным полом. Кругом, вдоль стен, поставлены деревянные скамейки, назначенные для сидения стариков. А для лиц сельского управления отведено отдельное место, также со скамейками и столом, на котором находились чернильница, перо (камыш) и клочки бумаги. У стола сидит кадий; с правой стороны его старшина (юзбаши — сотенный начальник), а с левой — четверо судей. Немного в стороне от них находится мангуш. Последний имеет в руках палку. Затем располагаются по старшинству члены джамаата. Юзбаши, или старшина — лицо, назначаемое правильным ходом дел в нем; без его подписи решение кадия и судей не считается действительным»¹⁴.

Система выборов должностных лиц джамаата в последней трети XIX и начале XX в. также менялась, однако сохраняя при этом традиционные нормы представительства от кварталов и тухумов, на которые продолжала делиться пореформенная община. На это деление накладывалось введенное при Шамиле военно-административное деление дееспособного взрослого мужского населения общины на «сотни» и «десятки». Должностным лицам ежегодно выплачивали долю от штрафных денег, освобождая их на время службы от податей и повинностей в казну. Избранный сельским обществом не мог отказаться от должности кроме как по причине преклонного возраста (более 60 лет), тяжелой болезни или долгого отсутствия на родине.

Рост значения джамаата в пореформенном Дагестане надолго сохранился в исторической памяти горцев. Об этом свидетельствуют устные рассказы, записанные мною в 60–80-е гг. XX в. от старейших информаторов. Ниже я без изменений привожу один из наиболее информативных среди них:

«Джамаат в жизни села Гагатли¹⁵ имел огромное значение. Решения джамаата, выраженные устно или же записанные муллоу-дибиром или муэдзином-будуном, были обязательными для всех и должны были неукоснительно выполняться. Человек, не выполнивший требования или решения джамаата, терял доверие в обществе, всех людей. Мужчина, не прини-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Андийский округ, ныне Ботлихский район на севере Нагорного Дагестана.

Рис. 8. Судья Аварского народного суда в Хунзахе

мавший участия, в решении важных вопросов также не пользовался особым уважением. Джамаат тогда был силой и авторитетом. В джамаат входили все мужчины старше 16 лет. Но неженатые мужчины обычно особого участия в решении важных дел не принимали, поскольку они не имели своего хозяйства; к их мнениям обычно не прислушивались. Женщины никакого участия не принимали. Но в особенных случаях, например при примирении, их тоже привлекали для участия в джамаате. Они не имели права высказаться. Женщины и дети обычно являлись зрителями.

В особо важных случаях собирался джамаат не только нашего села, но и приходили уважаемые люди из всех андийских селений, бывало даже из

аварских селений. Обычно это были *алимы*, или же знатные люди, которых специально приглашали при решении необычайных дел. Вопросы обычно выдвигались через особо уважаемых людей, через старейшин, которых называли *жаматул* *Иол адам*. Обычно сбором джамаата ведал *дибир*. Собирались джамаат обычно на годекане (анд. *кавла*) перед большой мечетью¹⁶, но случалось, что собирався непосредственно на месте какого-нибудь происшествия, или же на месте соборования (*релаччидяла*). Джамаат собирався в любое время, по необходимости, обычно же собирався через глашатаев (*гьакла кьорду*). Туда, как я уже говорил, собирались все мужчины. Место сбора указывал глашатай. Джамаат решал вопросы хозяйственные, имевшие значение для всего села, реже решались споры и тяжбы между отдельными лицами. При решении споров между тухумами участвовали джамаатские люди из других селений, конечно, при условии, что эти тухумы были уважаемые.

Обычно джамаат решал вопросы о границах земель, но при этом вопрос обязательно решался только в присутствии дибира или другого алима, компетентного в вопросах шариата. Джамаат выступал организатором разных работ. Это строительство и ремонт дорог, причем каждое хозяйство получало определенное задание. Джамаат ведал разделом лугов и пастбищ. Говоря о пастбищах нужно сказать, что определенные участки “горы” (*биллоли камар*) передавались из поколения в поколение. Там они строили “хлев” (*бекьадул*), куда они (обычно в летнее и весеннее время) переселялись со скотом, пока не наступала зима. Некоторые даже зимой свой скот оставляли в горах, где они заготавливали сено. Важным делом для джамаата считалось строительство молельных домов (*кьулгяла*) и подведение к ним воды. Это обычно поручалось разным кварталам или даже тухумам. Деньги и другие расходы совершались за счет общества, а также за счет мечети. Руководил работами выбранный джамаатом человек.

Джамаат выбирал дибира, назначал пастухов, табунщиков, глашатая, решал, кто и сколько должен отдавать этим людям за исполнение своих обязанностей (мишу). Джамаат имел свою мерку (*жаматули кьади*), по которому должны были сверять свои мерки торговцы. Джамаат назначал время закрытия пашни (*мигьи кьибтIур*), время сенокоса. Если с кем-либо случилось несчастье или какое-нибудь бедствие, джамаат, все способные двигаться и чем-нибудь помочь выходили по “тревоге” (*ружен кьорду*). В старину, говорят, было, что часто враждовали между собой с чеченцами, с андийцами, и даже с гумбетовскими, тогда джамаат назначал *нусил бетIера* (сотника), руководившего ополчением из всех мужчин от 16 лет и выше. Позже сотники назначались наибом, но они советовались с джамаатом. Дибир записывал решения джамаата и скреплял их печатью сотника.

Все вопросы решались по адатам. Адаты раньше знали все и придерживались их. Теперь их забывают. Адаты сохранялись у нас, говорят даже при Шамиле, потому что он знал, что нужно народу. Но все же серьезные вещи решались шариатом. Наибы были. И Шамиль назначал и николаевские были. Но у нас всегда сначала обсуждал джамаат, а потом шариат, мало кто обращался к закону белого царя. Когда, решались общие для всех сел вопросы, собирались джамааты этих селений, выбирали посредников из джамаата другого села, не имеющего пристрастия к спору (*даьба-кьеи*)»¹⁷.

¹⁶ В с. Гагатли было четыре кварталных годекана.

¹⁷ Информатор Билал Валиев, 1903 года рождения из с. Гагатли / Пер. с анд. яз. М.А. Агларова.

Нововведения и преобразования при советской власти

После февральской революции на Кавказе начался тяжелый период смут, гражданской войны. Для Нагорного Дагестана он стал еще одним этапом борьбы за выживание, продлившимся в некоторых районах с 1918/19 по 1925/26 гг. Кризис государственной власти после падения царизма вызвал возрождение отдельных гражданских форм традиционной общины-джамаата и союзов сельских общин. Однако джамаат уже не справлялся с ростом преступности. Тяжкие уголовные правонарушения и выступления против властей еще в середине XIX в. были изъяты из ведения общин и подлежали юрисдикции Российского государства. С началом гражданской войны по краю прокатилась волна преступлений, образовались банды разбойников-*абреков*, грабившие путников и разорявшие хутора, угонявшие скот с пастбищ и совершавшие иные противоправные действия. Сменявшие друг друга в эти годы политические режимы, в том числе большевики, не раз безуспешно пытались противопоставить насилию «карающую десницу шариата», представляя себя наследниками государственных преобразований имама Шамиля¹⁸.

Победа большевиков и постепенная советизация региона означала для дагестанских горцев соединение традиционных институтов джамаата и Советов. В целом по стране Советы пережили три исторических этапа. Во время первой русской революции 1905–1907 гг. они возникли и функционировали как органы общественного самоуправления. В большевистской России с 1917 г. Советы превратились в орган новой государственной власти, позиционировавшей себя как диктатура пролетариата. С 1936 г. Советы были официально квалифицированы как местные органы государственной власти. На местах, в том числе в Дагестане, первоначально они несли в себе **двойную функцию** органов государственной власти и самоуправления. При этом разграничения этих функций местных Советов не было. Поэтому ни конституции, ни официальная историография советского времени не объясняют толком, какое место занимали в системе Советов институты самоуправления. Согласно предпоследней конституции 1987 г., «Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые, областные Советы депутатов, Советы народных депутатов автономных областей и автономных округов, районные, городские, районные в городах, поселковые и сельские Советы народных депутатов составляют единую систему государственной власти»¹⁹. По той же причине ни одна из действовавших в XX в. конституций ДАССР не содержит ни одного пункта о самоуправлении. Не имеется и отдельной историографии самоуправления в советском Дагестане.

Если до 1930-х гг. сельсоветы в Дагестане имели экономическую, социальную и культурную опору в пореформенной общине-джамаате, то в последующем эти функции отошли в соответствующие государственные ведомства и министерства. Общинная же экономика и культура ее обслуживания (кровь и плоть самоуправления) нашли новую форму в колхозах и

¹⁸ См., например: *Какагасанов Г.И., Османов А.И.* Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918). Горская республика (1918–1920): документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 30, 59, 131, 132, 229, 260, 280–284, 322, 331, 338.

¹⁹ Конституция СССР. М., 1987. Ст. 89.